ЛАРИСА ПЕТРОВИЧЕВА

Учительница для бастарда

Лариса Петровичева

Учительница для бастарда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72245746
SelfPub; 2025

Аннотация

Мне, бедному учителю английского, даже в загробном мире покоя нет! Назначили куратором юного княжеского бастарда, скромного забитого подростка. Я должна сделать так, чтобы в нем пробудилась спящая магия – а попутно разрулить множество проблем с папашей-князем, оборзевшими одноклассниками и первой любовью. Но бывших учителей не бывает! Всех выучим, всех воспитаем, всем поможем! Особенно, когда мой собственный куратор – ах, какой мужчина!

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 25
Глава 3 43
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Лариса Петровичева
Учительница для бастарда

Глава 1

– Ну наконец-то. Как же долго я тебя ждал.

Голос незнакомца был бархатистым, с едва уловимой хрипотцой. Он ласкал, будто скользя по коже. Я растерянно заморгала, глядя на мужчину. Ему было примерно тридцать пять, мой ровесник. Высокий, с идеальной осанкой и проработанным телом танцора или фехтовальщика, он был полон горячей живой силы.

Светлокожее кареглазое лицо было словно вылеплено великим скульптором. Острые скулы с легкой щетиной, обаятельная улыбка на тонких, четко очерченных губах, лукавые искорки в глазах – на него хотелось смотреть, не отрывая взгляда.

Я перевела глаза ниже, скользнув по телу от идеально проработанного пресса и вниз и…

Незнакомец был полностью обнажен и там, внизу, тоже все было идеально.

Не знаю, сколько времени я таращилась на него, пока не поняла: в классе этому мужчине взяться неоткуда. Мы с семиклассниками только что разбирали тему “Путешествия”, и проще было забить гвоздь головой в мраморную плиту, чем забить в седьмой “В” нужную лексику.

– Верно! – улыбнулся незнакомец и помахал рукой где-то около лба и виска. – Мои глаза здесь, Елизавета Андреевна!

Я невероятным усилием воли оторвалась от созерцания того, чего в реальной жизни не видела уже несколько лет. Улыбка обнаженного красавца стала острее и злее.

– Нет на белом свете большей суки, чем Елизавета Андреевна Зарайская с ее английским, – произнес незнакомец. – Так считала вся гимназия, все дети, которым не повезло с тобой столкнуться. Теперь такой суки и правда нет на свете, у тебя оторвался тромб, и ты умерла. Смерть быстрая и относительно легкая.

Умерла? Как?

Мы же только что слушали диалог о покупке билетов в Сент-Джеймс парк…

Я посмотрела по сторонам и увидела, что мы висим в воздухе среди темных плотных туч. Где-то вдалеке ворочался гром… и кажется, в рай я не попаду. Очень уж тут темно для рая и вряд ли у ангелов вот такие… болты.

– Верно, я не ангел, – кивнул незнакомец, словно подслушал мои мысли. – Так, давай официально. Ты Елизавета Андреевна Зарайская, учительница английского языка, тридцать пять лет, умерла. Меня зовут Габриэль, я твой куратор в этой части Беспределья. Моя задача – контролировать и направлять твою дальнейшую работу.

И после смерти мне не обрести покой. Одна работа сменилась на другую.

Ладно, пусть так. Меня больше нет, и вся школа сегодня поедет отмечать это чудесное событие. Сдохла старая дева, которая задолбала всех со своим английским, туда ей и дорога. Оплакивать меня было некому. Я так и не создала семьи, не завела питомца, родителей давно не было.

Но снова работать?

– И что за работа? – поинтересовалась я. – Видите ли, я представляла загробную жизнь немного по-другому.

– Если бы не я, у тебя все и было бы по-другому, – кивнул Габриэль. – Но мне нужна как раз такая, как ты. Скажи-ка, ты гоняла детей по злобе или по долгу?

Гоняла. Ну да, это вот так называется.

– По долгу, – ответила я. – Все, кто хотел, потом поступили на ин-яз без репетиторов, только с моими уроками. Ну да, я не была к ним добра и не разводила сюси-пуси. Я выполняла свой долг и… может, ты все-таки чем-то прикроешься?

Габриэль очень выразительно завел глаза.

– Между прочим, это аккумулятор светлой энергии, – сообщил он. – У тебя тоже есть.

Я с ужасом посмотрела на себя и увидела, что тоже полностью обнажена, это во-первых. А во-вторых, грудь, которую однажды назвали двумя таблетками аспирина на доске, превратилась в весьма впечатляющий пятый размер.

– Что это? Верни мне мои плоскодонки обратно! – заорала я, прикрыв грудь руками. – Это что еще за работа такая?!

Габриэль дернул рукой, и мои губы слиплись. Я отчаянно

замычала, но расклеить их не получалось.

– Говорю же: это аккумулятор светлой энергии, – терпеливо объяснил Габриэль. – Вернутся к тебе твои плоскодонки, когда ты все израсходуешь. Энергии понадобится много, тут работа как раз для такой, как ты.

Губы наконец-то разлепились, и я спросила:

– И что нужно делать?

Габриэль ослепительно улыбнулся.

– Теперь ты курирующий дух под моим началом. Твой подопечный – Этьен Лефевр. Четырнадцать лет, бастард князя Анри Клемансо. Твоя задача – пробудить в нем магию, пока он жив.

***

Я нахмурилась, обдумывая сказанное.

Курирующий дух это, наверно, что-то вроде ангела-хранителя. В принципе, работа ничем не отличалась от прежней. Учителю с утра до вечера приходится пробуждать в детях что-то полезное, нужное и важное.

Но магия… княжеские бастарды…

– Это какой-то сказочный мир? – спросила я. – Или компьютерная игра?

Я не читала фэнтези и не играла в компьютерные игры. Магия, колдовство, князья – все это звучало дико и нелепо.

– Это множественность обитаемых миров, – ответил Габриэль. – Я не буду тебя сейчас загружать теорией муль-

тивселенной или квантовой механикой, где частица может находиться в нескольких состояниях одновременно. Просто усвой, что есть параллельный мир, а в нем есть магия, которая наполняет людей из владыческих семей.

Ладно. Примем правила игры, все равно деваться некуда.

– И в этом Этьене она не пробудилась?

– Увы. Если бы мальчик нашел свою магию, то отец признал бы его принадлежность к дому Клемансо. А так он пока живет у своей бабки и тетки, и они колотят его смертным боем. Мать умерла при родах, в сыне нет магии, а они так рассчитывали на него, так надеялись, что славно заживут при княжеском дворе. И вот он, дрянь такая, все их мечты переломал.

Угу. Ясно. Видала я таких бабок и теток. В их квартирах тараканы маршируют отрядами, обувь тонет, прилипая к многолетним слоям грязи, а из еды только луковица и три бутылки водки.

Значит, мой подопечный неблагополучный ребенок, который забит так, что не способен вырваться из омута.

– В школу ходит? – спросила я, невольно включившись в решение задачи. Габриэль кивнул.

– Да. Он неглуп, я бы даже сказал, умен. У него все в порядке с точными науками. Иностранные языки идут неплохо, но со скрипом.

– Иностранные языки хорошо идут, когда есть, с кем на них говорить, – сказала я. – А когда это просто упражнения

для ума, то тут и заскрипит.

– Поговорить не с кем, это верно, – кивнул Габриэль. – В школе он изгой. Драки, приятные мелочи вроде чернил, вылитых в сумку с книгами, прочие веселые подставы. Все знают, что Этьен сын князя, но без магии он никто. В него плюют все школьные омежки.

Дома бьют. В школе бьют. Пойти некуда, найти опору негде. Из таких вот, несчастных и затюканных, вполне себе вырастают школьные стрелки – боль, которую долго терпишь, перерастает в желание мести, и оно заставляет браться за оружие.

– А папаша что?

– Папаша сказал, что если в парне пробудится магия, то он, разумеется, возьмет его под крыло. А если нет, то нет. Князь не должен привечать всех своих отпрысков.

Понятно. Не нужна родня такая, лучше буду сиротой.

– Если я его курирующий дух, то он может меня видеть? Мы сможем общаться? – спросила я.

Парня было жаль. Я, конечно, была злобной тварью, если верить гимназистам с первого по одиннадцатый класс, но не настолько бесчувственной, как они считали.

– Конечно! – кивнул Габриэль. – Ты сможешь обретать тело для работы в физическом мире. Как и я. Но в очень редких случаях. Тебя может видеть только подопечный.

– А ты кого курируешь, кроме меня? – поинтересовалась я.

– Князя, – ослепительно улыбнулся Габриэль. – Но мои задачи тебя не касаются. Твоя работа – пробудить в мальчике магию. Желательно, боевую, но и целительская подойдет.

Ладно, с видами магии мы еще разберемся.

– Магия это ресурс, верно? – уточнила я и продолжала после утвердительного кивка: – Ресурс не берется из ниоткуда, нужны силы и время, чтобы его сформировать. Он не появится, если в человека плюют без перерыва на обед, выходных и праздников. У него есть убежище?

– Нет, – ответил Габриэль. – Вон, видишь?

И он ударил меня по лицу так, что голова едва не сорвалась с плеч. Уши наполнил звон, перед глазами замелькали пестрые пятна, и я поняла, что уже не болтаюсь в пустоте, когда в нос ударили густые запахи деревенского хлева.

Я обо что-то ударилась коленом, зашипела и схватила первое, что мне попало под руку – какую-то веревку. Проморгалась, увидела, что это и правда веревка, заброшенная на балку, и я так схватила ее, что оторвала.

– Ты кто такая? – спросил испуганный подростковый голосок. – Что за дела…

Я посмотрела вниз и увидела отброшенный криво сколоченный табурет, светловолосого парнишку, который валялся на сене, растерянно глядя на меня, и оборванную петлю у него на шее.

***

Так. Я успела вовремя.

Пацан был высоким, худющим и растрепанным. Карие глаза смотрели на меня с ошарашенным интересом, и я на всякий случай тоже окинула себя быстрым взглядом – не дай Бог, предстану перед ребенком, в чем мать родила.

Но нет. Сейчас на мне было серебристое платье с огромным вырезом. И да, Этьен Лефевр вытаращился именно на мои аккумуляторы энергии. Даже забыл о том, что собирался вешаться.

Отлично.

Я осмотрелась. Мы находились в каком-то вонючем сарае. При этом одежда на Этьене была идеально выстиранной и выглаженной – наверно, школьная. Белая рубашка, темные брюки со стрелками – а парень молодец, держит себя в чистоте в таком-то месте.

– Охренел? – спросила я.

Этьен испуганно заморгал.

– А ты кто вообще? – пролепетал он. Видно, решил, что все-таки умер, и теперь видит ангела.

В некотором смысле так и было.

– Кто, кто… – пробормотала я, выпустила веревку и протянула подопечному руку. – Твой курирующий дух. Давай, поднимайся.

Этьен схватил меня за руку и его пятюня предсказуемо прошла через воздух. Так, значит, обретать физическое тело еще рано.

– Я умер, да? – спросил паренек.

Он и правда выглядел несчастным и забитым. Если бы не это прилипшее к нему выражение вечной жертвы, Этьена можно было бы считать миловидным. Правильные черты лица, высокий рост, густые волосы – в нашей гимназии за ним бегали бы девочки с первого по одиннадцатый класс.

Но за слабаками никто не бегает. Слабаков пинают.

– Скажи мне спасибо, что нет, – ответила я. – И пошли на воздух выйдем, тут воняет.

– Спасибо… – пролепетал Этьен.

Мы вышли из сарая и оказались рядом с такой же избушкой-развалюшкой, но только с двумя окнами. Она вся наклонилась на сторону, уходя в землю, и из нее доносились пьяные голоса.

Все понятно. Не успел повеситься, уже празднуют.

– Твои вещи для учебы, – сказала я. – Книги, тетрадки, сменка. Сможешь их незаметно достать?

Этьен кивнул, но в дом не пошел: в стороне от дома стояла бочка, он сунулся туда и извлек мешок с книгами. Тотчас же из дома донесся пьяный женский голос:

– Этьен, с-сученыш, это ты там шастаешь?

Дверь распахнулась, и во двор вывалилось существо в грязном платье, которое только с большой натяжкой можно было назвать женщиной. Но в волосах у нее был бант, левый глаз заплыл, как у китайского пчеловода, а губы были вымазаны помадой – понятно, у местного алкобомонда эта мадам

проходит по графе “Кокетливая”.

– Ты куда намылился, ублюдыш? – поинтересовалась Кокетливая заплетающимся языком, и я приказала:

– Погнали!

Этьену не надо было говорить дважды: мы рванули со двора так, что только пятки засверкали. Алкогольвица что-то орала нам вслед, но мы, разумеется, не оборачивались.

Пролетели по грязной улице с такими же покосившимися домами, вырвались к мосту через речушку, оказались на улице с домами поосновательнее, за крепкими заборами, вылетели к церкви, и тут Этьен остановился и спросил:

– А куда мы бежим?

– Подальше от этих вот, – ответила я. – Ты что, ни разу сбежать не пробовал?

С него сталось бы сказать “нет”, но Этьен кивнул.

– Однажды сбежал.

– Нашли, избили? – уточнила я. Паренек снова кивнул.

– Ребра сломали.

Я посмотрела по сторонам, пытаясь определиться, что делать дальше. Судя по нежной зелени садов и робким цветам, сейчас весна – хорошо, значит, не замерзнем ночью.

– В школе есть нормальные учителя? – спросила я. Этьен сделался хмурым и отстраненным, и стало ясно: единственный нормальный учитель здесь – я.

Плохо. Помощи у взрослых ему не попросить.

– Нет.

Я мотнула головой в сторону храма.

– Священник как? Может тебе помочь?

– Нет, – он с отчаянием посмотрел на меня и выдохнул: – Я же без магии! Если бы она проснулась, то все было бы иначе! А ее нет!

Я вздохнула. Погладила подопечного по плечу.

– Ну тихо, тихо. Я здесь как раз за тем, чтобы ее разбудить. Давай сейчас прикинем, где заночевать и…

– Смотрите-ка! Этьен собрался на свидание!

Голос был развязным и наглым – такие голоса бывают у припевал школьного главаря. Сам главарь молчит – за него говорят такие вот шакалята.

Компания, которая вышла к нам из-за угла, была очень приличной. Десять человек: двое чуть в стороне, смотрят, не идут ли взрослые, способные остановить расправу. Главарь и четверо его телохранителей по центру – все сытые, холеные, ухоженные, в одежде из дорогой ткани. И трое загонщиков – они лаяли на жертву, они бросятся на нее первыми.

Этьен окаменел. Смотрел на шайку, на щеках играли желваки. Я опустила руку на его плечо и сказала:

– Я с тобой. Не бойся.

– О, а в мешке подарочки? – прежним глумливым козлетоном поинтересовался один из загонщиков. – Несешь сюрпризики своему любовничку?

***

Этот загонщик был тощим и низеньким, в одежде победнее. Наверно, радовался до уссачки, что его взяли в компанию – и теперь старался, отрабатывал милость главаря.

Главарь был из очень приличной семьи. Тут дело даже не в одежде, а во взгляде, осанке и повороте головы. Сними с него эти дорогие тряпочки по моде девятнадцатого века, одень в мешок из-под картошки – этот мальчик с кудрявыми каштановыми волосами все равно останется школьным принцем.

И бить надо было не загонщиков, а его.

– Так, – сказала я. – Мешок на землю. Развязывай.

Этьен в ужасе покосился на меня и спросил:

– С ума сошла?

– Слушай, что говорю! – рыкнула я. – Мешок на землю. Книгу в нем нащупай потяжелее. И говори: “А ты хочешь посмотреть?”

– Меня точно убьют, – пробормотал Этьен, и второй загонщик, такой же вертлявый угодливый червяк, как и первый, глумливо поинтересовался:

– Что это ты там бормочешь? Молишься, чтоб магия проснулась?

– У шалавкиного сына магии нет! И быть не может! – гавкнули замыкающие.

Вот это было совсем дно. Можно оскорблять пацана, как угодно. Можно его бить до полусмерти. Но никто и никогда не смеет так отзываться о родителях, особенно о матери.

– Когда начнется кипеш, они первые убегут, – сказала я. –

Давай, не тяни!

– А ты хочешь посмотреть, что в моем мешке? – поинтересовался Этьен и вынул толстенную книгу с золотыми иероглифами на обложке.

– Бросай, я направлю! – приказала я, и Этьен швырнул учебник в главаря.

Бросок был хорош. Я дернула рукой, направляя его, и сама не поняла, как смогла усилить. Но по пальцам пробежали искры, учебник потяжелел и со всей силы врезался в лоб школьного принца.

Тот закатил глаза и рухнул на землю пустым мешком.

– Циркуль, твердая линейка, карандаш! – скомандовала я. – Любое твердое, что можно зажать в руке!

Этьен выхватил ножик для очинки карандашей и сжал его в ладони как раз тогда, когда общее оцепенение спало. Телохранители главаря шагнули вперед, загонщики начали приплясывать на месте, но в драку никто не спешил.

– Слышь, байстрюк, ты охренел? – спросил один из телохранителей. Долговязый, широкоплечий, туповатый, но не злой – отлично, нам он еще пригодится. Возьмем его в свою команду, когда эта развалится.

– Не байстрюк, а бастард, – подсказала я. – Кому добавки?

– Не байстрюк, а бастард, – ответил Этьен. Он дрожал от страха с макушки до пят, но удачный отпор банде придал ему сил. Нож в ладони трясся, ладонь вспотела, но Этьен не опускал руку. – Могу добавить.

Главарь зашевелился на земле и пролепетал:

– Пацаны, выбейте из него все дерьмо… У меня голова треснула!

– Сейчас и жопа треснет, – подсказала я. – Давай, иди, выйди со мной раз на раз!

Этьен в ужасе покосился в мою сторону.

– Я не буду этого говорить, – прошептал он одними губами.

– Говори! – заорала я. – Говори, я знаю, что делаю!

– Сейчас и жопа треснет, – отчаянно повторил Этьен. – Давай, Жан-Люк, не ссы, выйди со мной раз на раз.

– Или ты только со своими шавками смелый? – подсказала я.

Конечно, Жан-Люк мог и не принять вызов. Для драк у него были загонщики и телохранители. Но и улепетывать побитым он тоже не мог. Когда удираешь, поджав хвост, то уже не можешь быть главным в компании.

И главарь это прекрасно понимал. Он поднялся, медленно двинулся вперед, сжимая кулаки, и я сказала:

– Мешок. Бей им насмерть, другого случая не будет.

– Мне конец, – прошептал Этьен. Он, вечный изгой и мальчик для битья, сегодня отважился бросить вызов банде своих обидчиков! Сейчас в нем не осталось ничего, кроме ужаса.

– Бей первый, я усилю, – пообещала я.

Жан-Люк бросился вперед, а у меня снова заныли пальцы.

Я стряхнула с них искры в сторону мешка, Этьен размахнулся и ударил противника по корпусу.

Удар получился таким, что Жан-Люка отшвырнуло с дороги в канаву. Он взмыл, как листок бумаги, подхваченный ветром, и шмякнулся в грязь.

Отличный удар! Приятно посмотреть!

Гоп-компашка бросилась на выручку главарю – а я толкнула Этьена в плечо и приказала:

– А вот теперь погнали!

Этьен подхватил учебник с иероглифами, забросил мешок за плечо и побежал так, что только пятки засверкали. Вслед ему закричали и заулюкали, кто-то из загонщиков даже бросился за ним, но бежал недолго. Мы свернули в один проулок, потом в другой, потом вбежали в открытую калитку и оказались на какой-то лужайке перед золотистой высокой стеной дома – Этьен остановился, согнулся, уперев руки в колени, и так стоял несколько минут, тяжело дыша.

А потом он вдруг рассмеялся. Звонко, радостно, словно был новый год, и ему принесли самый желанный подарок.

– Я что же, отмутузил Жан-Люка? – спросил он.

– Да! – весело ответила я. – Знатных люлей ты ему отвесил! Молодец! А еще вешаться хотел.

Этьен выпрямился. Очень серьезно посмотрел на меня.

– А ты мне еще будешь помогать? – спросил он.

Ответить я не успела. За живой изгородью послышалась возня, и сварливый голос произнес:

– Я тебе говорил, гаденыш, не ходить сюда?

***

Из-за изгороди вывалились двое, и я поняла: вот этих мы не сможем одолеть с такой же легкостью, как банду Жан-Люка.

Первый был немолодой, уже лысеющий господин в темно-синем костюме. По увесистому брюху тянулась серебряная цепочка от часов, галстук немного съехал на сторону. Весь вид пузана говорил о том, что он готов взять Этьена за шиворот и выставить его отсюда.

Второй был высоким стройным юношей около двадцати. Такой же светловолосый, как Этьен, с презрительным выражением лица человека, который привык с колыбели, что его приказы выполняются, стоит ему пошевелить бровью. В его чертах я заметила нечто общее со своим подопечным: да это, кажется, законный сын князя! Брат Этьена по отцу.

– Я тебе говорил проваливать? – спросил пузатый и шагнул вперед, чтобы схватить Этьена за шиворот. Мальчик отпрянул в сторону и княжеский сын с ленивым удавьим спокойствием произнес:

– Подожди, Клод, это может быть интересно. Зачем ты пришел, байстрюк?

Да уж, о братской любви и речи нет. И этот красавчик точно заинтересован в том, чтобы магия в Этьене тихо спала дальше. Кому захочется делить отцовское внимание и на-

следство?

– Может, в тебе проснулась магия? Давай проверим!

Княжеский сын протянул руку ладонью вверх, и над ней с легким треском возник сияющий золотой шар. В следующий миг он с воем и ревом уже летел в сторону Этьена.

Этьен успел уклониться – шар ушел в живую изгородь и там взорвался с треском и блеском.

– Ну нет, так неинтересно, – усмехнулся княжич. – Давай, защищайся. Ставь щит!

С его ладоней сорвалось сразу три шара – я успела представить прозрачно-голубой хрустальный щит, который прикрывает Этьена, и в тот же миг шары княжича ударили в него и рассыпались ворохом разноцветных искр.

Кстати, это для нас вариант! Мою магию вполне могут принять за магию Этьена – князь возьмет его во дворец, парень успокоится и отдохнет, а там и настоящая магия выглянет.

Почему бы нет?

– Как ты это сделал? – нахмурился княжич и обернулся к Клоду: – Ты это видел? Мои шары до него не долетели.

– Так точно, ваша милость, не долетели, – подтвердил Клод. – А раньше всегда долетали и не рассыпались.

Княжич подошел к Этьену – тот стоял, опустив руки, хмуро смотрел исподлобья и явно ждал, что сейчас его снова примутся бить.

– Какого черта вы сюда приперлись?

Мир застыл, словно кто-то поставил его на паузу – и я даже знала, кто. Обернувшись, я увидела Габриэля – сейчас он прикрылся, повязав на бедра легкий шелковый шарфик, но все равно казалось, что мой куратор прячет под ним палку копченой колбасы.

– А что не так? – ответила я вопросом на вопрос. – Убегали от малолетних идиотов, прибежали сюда. Это территория княжеского дворца, да? А нам сюда нельзя? А почему нельзя?

По своему рабочему опыту я знала, что больше всего бесит, когда начинают задавать много вопросов с невинным видом. Так было с директрисой, когда она, например, пыталась выгнать меня на субботник: я сразу же спрашивала, а есть ли в школе дворник, а почему он не работает, а сколько он получает, а почему я должна трудиться за него, а сколько мне за это заплатят?

Все это говорилось с наивным видом пятилетнего ребенка, и директриса превращалась в кипящий чайник.

– Дуйте отсюда! – прошипел Габриэль. – Князь уже идет сюда!

То ли он как-то неправильно поставил мир на паузу, то ли нашлись какие-то другие силы посильнее моего куратора, но все снова пришло в движение, и прямо над нами кто-то откашлялся.

Все на лужайке задрали головы. Я увидела изящный балкончик и немолодого мужчину в дорогом шелковом халате

с изящной вышивкой. Опершись на перила, он крутил в руках какую-то разноцветную стекляшку и рассматривал Этьена со спокойным равнодушием работорговца. Под его взглядом пацан стушевался, опустил голову и сделал шаг назад.

Я погладила его по плечу. Держись, мой мальчик, на свете два раза не умирать.

– В тебе проснулась магия? – лениво осведомился князь.

– Нет, – едва слышно ответил Этьен. Все в нем сейчас закаменело от тоски.

Ох, как жаль, что он такой честный! Сказал бы “да”, а я бы поддержала.

– Тогда зачем ты сюда пришел? – спросил князь с прежним ленивым спокойствием.

– Так, – сказала я. – Вот сейчас просто повторяй за мной.

Не знаю, как я это сделала, но все, что я хотела подсказать, скользнуло золотой ниткой в разум Этьена, и он произнес:

– Потому что ты мой отец. Потому что все это время мне нужна была твоя помощь. И не смей от меня отворачиваться, как всегда, я такой же твой сын, как и он.

Этьен говорил глухо, без истерик, и это невольно впечатляло. Княжич возмущенно ахнул, прижав руку к груди: мол, как вот это смеет сравнивать себя со мной?

– У меня таких сыновей – считать устанешь, – бросил князь, и Этьен спросил:

– И ты правда думаешь, что этим можно хвалиться? Ведешь себя всю жизнь, как шалава, которая смотрит лишь на

выгоду.

Теперь рты открыли и Клод, и князь. Видимо, никто от сотворения мира не называл князей шалавами.

Ну ничего, всегда надо с чего-то начинать.

– Это что, удаль? – продолжал Этьен, и на его глазах появились злые слезы, но голос не дрогнул. – Это грязь, вот и все. Я тебе не нужен, пока во мне нет магии. А когда она появится… – Этьен сделал паузу. – Будешь ли мне нужен *ты*? Думаешь, я тогда побегу сюда, есть из твоей руки?

– Клод, на конюшню его! – приказал князь, и на его щеках расцвели пятна румянца. – Выпороть, чтоб шкура с жопы слезла! Чтоб…

Он не успел договорить. Мир дрогнул, приходя в движение, и над нами раскатился взрыв.

Глава 2

Я еще успела подумать, что это какие-то проделки Габриэля. Потом увидела, как золотистая стена медленно-медленно вспучивается, выметывая кирпичи, как балкон с князем отделяется от нее и взлетает вверх, как все окутывает черно-кровавыми облаками дыма. Кажется, княжич заорал, кажется, Клод вскинул руку, выбрасывая из ладони что-то серебристое…

…и не знаю, как я это сделала, но всех людей на лужайке вместе с князем подхватила бледно-голубая волна и мягко поволокла в сторону живой изгороди.

Потом все снова пришло в движение, и я аккуратно приземлила Этьена в куст. Со всеми остальными не хотелось церемониться, но я решила пока не причинять им особого вреда.

Князь приземлился в живую изгородь, сверху на него обрушило Клода, а княжич лег верхним слоем.

Я схватила Этьена за руку, рывком поставила на ноги и приказала:

– Парень, не дури! Спросят про магию – говори, что она твоя. Там разберемся.

Этьен испуганно кивнул. Смотрел он не на разлетающиеся во все стороны кирпичи, не на решетку балкона, которую вонзило в лужайку, как нож в торт, не на огонь и дым, а на

мой бюст.

– Твои… – он осторожно указал пальцем. – Они, кажется, уменьшились.

Я заглянула в корсаж и увидела, что Этьен прав. Пятерка сейчас сделалась уверенной четверкой.

– Конечно, – ответила я, – я же трачу энергию. Давай, не теряйся. Магия – твоя. Ты сейчас спас князя и княжича.

Княжич со стоном сполз с Клода, поднялся на ноги и дотронулся до щеки – там пролегла царапина, и парень, видно, вообразил ее раной до самого мозга. Клод помог князю подняться – они замерли, глядя на развороченную взрывом стену, и вид у них был, честное слово, как у двух клоунов.

– Как же… Ваша милость… – пролепетал Клод. – Это снова дом Вернье?

Князь устало провел ладонями по лицу.

– Узнаю их почерк. Только старый Морис Вернье бьет Кулаком дракона.

На лужайку высыпала целая толпа народа – слуги, прислуги, охранники, ассистенты и прочие подтирайки и помогайки. Князя и княжича окружили, заохали, заахали.

– Вас сам Господь спас, не иначе! – воскликнула какая-то дама в темно-синем платье. – Такой удар! Весь дворец содрогнулся!

Она прижала ладонь к губам и расплакалась. Княжич сразу же рухнул на чьи-то руки и его проворно понесли прочь. А князь отстранил сухого старичка, который совал ему под

нос пузырек с вонючим зельем, и обернулся к нам.

– Бледно-голубая волна, – произнес он. – Я видел ее. Это ты сделал?

Я толкнула Этьена в плечо, чтобы он не погубил все своей честностью.

– Не знаю, – ответил мальчик. – Больше тут никого нет.

Все смолкли, заинтересованно глядя на княжеского бастарда. Князь некоторое время стоял молча, а потом сказал:

– Что ж, спасибо за наше спасение. Дамьен, отведите его в лабораторию. Если в нем и правда проснулась магия, то…

Старичок закивал, подбежал к нам и приказал:

– Идемте, юноша, идемте скорее.

Княжеский дворец был большим, наполненным роскошью, но выстроенным очень бестолково. Мы долго шли куда-то бесчисленными ходами и переходами – то по лестнице, то по коридору мимо доброй дюжины статуй в рыцарских доспехах, то через зал, в котором компания долговязых парней играла в живые шахматы, то через картинную галерею и снова на лестницу. Наконец, Дамьен привел нас в огромный зал с высокими окнами, который мог быть бы бальным, если б не бесчисленное количество стеллажей с коробками, столов с пробирками и колбами и витринами, в которых красовались человеческие скелеты.

– Садитесь, мой юный друг, садитесь, – распорядился Дамьен, и Этьен послушно опустился на табурет. – Головные боли бывают? Спонтанные вспышки агрессии?

Этьен не стал спорить.

– Бывают. Сегодня я отлупил Жан-Люка. И наговорил отцу… всякого. Я был очень зол.

– Так, хорошо, – старичок надел очки с десятком линз, покрутил колесико у оправы, и линзы налились тревожным розоватым свечением. – Смотрите на меня, не крутите головой.

Этьен замер, а я почувствовала неприятный холодок, пробежавший по спине. Дамьен закивал, снял очки и взял со стола аметистовую друзу.

– Смотрим сюда, – приказал он. – Смотрим, не боимся, она не укусит, пока я ее держу.

А бояться было чего. В мгновение ока друза превратилась в жутковатое создание, помесь ящерицы и скорпиона с тремя головами. Мелкие пасти открывались и закрывались, тварь шипела и смотрела так, словно хотела броситься.

Этьен застыл, как воробушек перед коршуном. Испуганно раскрыл глаза – а тварь вдруг перестала шипеть, собралась в комок и спрятала все головы.

– Удивительно! – воскликнул Дамьен. – Это сильнейший источник магии! Он пока не в вас, а рядом, но… Поздравляю, дитя! Отец признает тебя законным сыном!

***

Потом старичок чуть ли не бегом, с удивительной для его возраста прыткостью, бросился из лаборатории, велев Этье-

ну сидеть и ждать, и мы наконец-то смогли спокойно поговорить.

– Что за Морис Вернье? – спросила я.

Этьен, который, кажется, опомниться не мог от таких поворотов в судьбе, посмотрел так, словно не понял, о чем я вообще спрашиваю. Потом ответил:

– Он купец первой гильдии. Ведет торговлю колониальными товарами по всему миру.

Понятно, внутренние разборки. Я в них еще вникну.

– А тот парнишка, который метал шары? Княжич?

– Да, Мишель, – Этьен внимательно посмотрел на меня и произнес: – Да ты же не знаешь…

– Чего я не знаю?

– Меня сегодня поколотили в школе по его приказу. И…

– Ладно, можешь не говорить, – мягко сказала я, потому что заметила, как Этьен изменился в лице. Все сегодняшние приключения – обретение курирующего духа, побег из дома, отпор компашке Жан-Люка и взрыв в княжеском дворце – заслонили от него то, что случилось днем.

А днем парня унизили так, что он сунул голову в петлю. И в чистое переоделся, бедный.

– В общем, давай так, – я ободряюще улыбнулась. – У тебя теперь есть нормальный дом. Спокойное место, где ты можешь побыть один, и никто не орет над головой. В школе ни один шакал теперь не откроет рот. Наоборот, теперь все они будут целовать тебе ботинки, а ты сможешь на них плевать.

Лицо Этьена дрогнуло, и я поняла, что было в школе. Господи, бедный мальчик! Я, конечно, была той еще сукой в гимназии, но сделала бы все, чтоб ему помочь.

Впрочем, я и помогаю.

– Все, все. Успокойся, – я материнским жестом погладила Этьена по голове, и тот шмыгнул носом. – Все это уже в прошлом. А вот как будет в будущем, давай подумаем. Магия в тебе точно есть, но она спит, верно?

Этьен кивнул.

– Княжеские семьи не такие, как все, – произнес он, и я понимающе усмехнулась. Да уж, это заметно. – В них есть магия, в остальных нет. Ну то есть, люди произошли от обезьяны, а князья были вылеплены из первоглины божественными руками и закалены огнем. Магия и есть огонь. И если во мне кровь князя, то он обязательно вспыхнет.

– Пока твоим огнем буду я, – пообещала я. – Магия сразу же, с первых дней, сильная и стабильная?

Этьен рассмеялся.

– Нет, конечно! В Мишеле она проснулась, когда ему было десять. И его еще два года трясло. То до слабака, то до такого, что господин Дамьен устанавливал защитные чары.

– Ты раньше бывал во дворце?

– Заглядывал, – кивнул Этьен. – Тут очень хорошая повариха, очень добрая. Госпожа Флёр. И господин Дамьен тоже хороший.

Это я заметила. Он обращался к мальчику не на “ты”, а

на “вы”.

– В общем, слушай меня, делай все, как я говорю, и мы разбудим твою магию, – пообещала я. – А пока что я сама буду за нее. Так, теперь насчет князя. Я уже поняла, что он потаскун. А так, в принципе, какой он человек?

Этьен пожал плечами, и я поняла, что у него не было особенных случаев поближе познакомиться с отцом.

– Ну, он не злой. Крестьян по полям не гоняет, как предки. Но жадный.

Это понятно. Добрые и щедрые князья бывают только в сказках.

За дверью лаборатории послышались шаги, и мы увидели князя. За ним шел Мишель, с болезненным видом прижимая ладонь к щеке – царапину успели замазать чем-то розовым, но юноша всем своим видом показывал, как ему тяжело и больно.

– Да, ваша милость, – произнес Дамьен, замыкавший шествие. – Я все проверил. У мальчика сильнейший источник магии, потенциально боевой. Он пока не внутри, а рядом с ним, но такие случаи известны науке.

Князь остановился, с интересом рассматривая своего бастарда. Этьен шевельнулся было на стуле, пытаясь встать, но я положила руку на его плечо и приказала:

– Сиди.

В конце концов, мальчик спас жизнь князю и брату. Он имеет право сидеть.

– Положи шарик мне в ладонь, – приказал князь. Этьен нахмурился.

– Я не знаю, как это сделать.

– И все-таки сделай. Иначе я задумаюсь над таким странным совпадением: Морис Вернье покушается на мою жизнь, а ты как-то очень удачно оказываешься рядом и всех спасаешь. Нет ли тут заговора?

Так и запишем: князь склонен всех подозревать.

Я слепила из воздуха бледно-голубой сверкающий снежок и через руку Этьена перебросила его на ладонь князя – и только тогда удивилась, как сумела это сделать. Мы с мальчиком словно сделались единой системой – Дамьен тоже это заметил, потому что воскликнул:

– Ваша милость, а сейчас источник не извне, а в нем!

Князь дунул на шар, растворяя его, и произнес:

– Хорошо, Этьен Клемансо. Я признаю тебя своим законным сыном и одним из наследников своего дома. Документы оформят сегодня же.

Этьен кивнул. Он всю жизнь мечтал об этой минуте, но сейчас не знал, как быть и что делать. Наверно, ему хотелось праздника, но в душе для этого было слишком тягостно и пусто.

– Мишель проводит тебя в твою комнату, – продолжал князь. – Я хочу, чтобы вы подружились.

Мишель фыркнул так, что стало ясно: этого никогда не случится. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

– Идем, – бросил он, не убирая руки от царапины на щеке. – Перемолвимся словечком по пути.

***

Комнаты княжича были на третьем этаже дворца: когда ребята вышли на лестницу и оказались без посторонних, то Мишель резким движением прижал Этьена к стене, придавив горло согнутой в локте рукой, и прошипел:

– Что, сучонок, в братья ко мне набиваешься? Мало тебе сегодня на голову нассали?

Этьен зашипел, вцепившись в его руку, но убрать ее не смог. Куда ему было против парня, которого учили драться и стоять за себя, хорошо кормили, холили и лелеяли.

Зато у него была я, которая не собиралась давать подопечного в обиду. Я вбросила белую нить, растрепанную и ярко сверкающую, прямо в пальцы Этьена, которые сжимали руку княжича, и Мишель отпрянул и заскулил, со слезами и шипением поглаживая конечность от локтя до кисти.

Отлично. Сейчас просто обожгло, а в следующий раз вообще парализует. Я не до конца понимала, как это делаю – но ведь делала же!

– Руки убери, – глухо произнес Этьен. – А то парализует вообще. Или с лестницы сбросит.

Ага, кажется, парень нашел источник храбрости! Я ему этого не подсказывала.

– Да с удовольствием, – ободряюще улыбнулась я. – В ба-

раний рог согнем и в порошок изотрем.

– Сбрось! – осклабился Мишель. – Ну давай, давай! – он хлопнул себя по груди, словно приглашал воплотить угрозу в жизнь. – Давай, сбрось, я отцу скажу, что ты хотел меня убить!

Только появился во дворце и уже устраняет конкурентов. Нет, этого могут не простить. Надо нам действовать тоньше.

– Мараться об тебя не хочется, – подсказала я Этьену. – Лучше вообще не лезь ко мне, понял?

Мишель понял: обожженная рука подсказала, что лучше не нарываться, по крайней мере, сейчас, когда вечная жертва вдруг начала давать отпор. Судя по его лицу, он решил затаиться, больше не лезть в драку и все обдумать. Он организовал травлю Этьена в школе – понимал, что мой подопечный его конкурент и готов был от него избавиться, но чужими руками.

Значит, и сейчас будет действовать так же.

– Не надейся, что тебе что-то перепадет, – бросил княжич и, покачивая пострадавшую руку, пошел по лестнице. – Наследник венца – я, и отец не передумает.

Вот как! Прекрасно, нас тут воспринимают всерьез.

А неплохо было бы побороться за княжеский венец. Но это пока так, отдаленная перспектива.

Мы вышли в просторный коридор, озаренный закатным солнцем, и Мишель кивнул в сторону приоткрытой двери.

– Твоя гостевая. Обещаю, ты недолго будешь у нас го-

стить.

Этьен ничего не ответил – толкнул дверь, вошел в комнату и замер, восхищенно глядя по сторонам. И я тоже замерла: в этой комнате можно было бы разместить школьный спортзал!

Гостевая была разделена на три части: спальня с огромной кроватью под балдахином, центральная зона с камином и диванчиками для приема гостей и рабочий кабинет с письменным столом, книжным шкафом и старинным глобусом. Вся обстановка так и дышала изысканной роскошью, все тут сочилось денежным духом. Этьен испуганно прошел к диванчику, дотронулся до шелковой обивки и шмыгнул носом: он, бедолага, и не мечтал, что однажды окажется в таком месте!

– Ты это заслужил, – сказала я и кивнула в сторону неприметной двери, которая, должно быть, вела в уборную и ванну. – Приводи себя в порядок и отдыхай. Завтра у нас будет еще больше дел и приключений.

Этьен обернулся ко мне и, глядя с детской любовью и почти собачьей преданностью, произнес:

– Это все ты сделала. Если б не ты, я бы уже…

И снова зашмыгал носом. Я погладила его по плечу.

– Ну, ну. Не реви, слышишь? Все это уже в прошлом. Иди, умывайся и спать.

– Спасибо! – громким шепотом воскликнул Этьен и ушел. Вскоре я услышала шум воды и голос Габриэля:

– Ну и наворотила ты сегодня дел!

Я обернулась. Мой куратор стоял у окна, скрестив руки на груди, и шелковый платок на чреслах висел так тоскливо, словно под ним теперь был корнишон. Впрочем, ничего удивительного: нам обоим сегодня пришлось потрудиться.

– А что не так? – спросила я, усаживаясь на диван. Вроде бы бесплотный дух, а усталость все равно чувствуется.

– Вы не должны были прийти в княжеский дворец! – рыкнул Габриэль. – Все произошло слишком быстро! В мальчике должна была пробудиться настоящая магия, а не эти твои фокусы!

– Так получилось, – я только руками развела. – Теперь он сможет жить спокойно, магия в нем обязательно проснется, а я пока буду помогать.

Габриэль устало вздохнул. Посмотрел на меня так, будто я его дико раздражала.

– Князь пришел на место взрыва, потому что ему сообщили о том, что бастард снова на территории дворца. А он не должен был там оказаться, это раз! Теперь дома Гарбо и Вернье заинтересуются новым княжеским наследником, это два! И взрыв должен был ранить княжича Мишеля, это три! А теперь и твой подопечный под угрозой, это четыре!

– Так, стоп! – воскликнула я, вскинув руку и приказывая Габриэлю молчать. – Я понимаю, что ты тут плетешь свои интриги. Но ты не говорил, что за наследниками князя ведется охота!

– Конечно, она ведется, – устало произнес Габриэль. Усел-

ся рядом со мной, бросил взгляд в пустеющий корсаж, ухмыльнулся. – Магия должна была проснуться в Этьене позже, когда князь разобрался бы с Вернье. А теперь мальчишка под ударом.

– Его и так били каждый день, – ответила я. В ванной шумела вода, Этьен напевал песенку, и у меня в душе царапнулось какое-то чувство, похожее на материнское. – Ты хотел, чтобы Мишеля ранило?

– Так было нужно, – вздохнул Габриэль. – Если бы он пострадал, то из путешествия вернулась бы его мать, княгиня Беатрис. Она этакая перелетная птичка, бабочка, которая порхает с цветка на цветок, с курорта на курорт…

“И с члена на член”, – мысленно добавила я. Видела таких бабочек: они устраивали жизнь, а дети в это время справлялись с миром и проблемами в одиночку.

С другой стороны, глупо было бы ждать лебединой верности такому мужу.

– И вот не надо тут кривиться! – фыркнул Габриэль. – Она хорошая женщина, но постоянно терпеть такого, как князь Анри… В общем, она должна была вернуться, и это многое поменяло бы к лучшему.

Ох, сомневаюсь.

Этьен в ванной выключил воду, и я вдруг поняла, что все это время тихо, но верно раздражало мой слух.

Шипение. Тоненькое, похожее на змеиное.

***

– Замри! – заорала я, когда Этьен вышел из ванной в белом пушистом халате, вытирая полотенцем растрепанные волосы. Паренек послушно застыл: за время наших сегодняшних приключений он привык слушаться меня, как солдат.

В комнату в самом деле вползала змея. Длинное узкое гибкое тело струилось по полу, подобно ленте: нет, не бывает на свете таких полупрозрачных сияющих змей, окутанных зеленоватым облаком.

Гадина была ядовитой. Очень ядовитой.

– Что случилось? – едва слышно спросил Этьен. Он смотрел прямо на змею, но не видел ее!

Возможно, это проверка, которую устроили для него князь и Дамьен. Магия должна была подсказать, что здесь враг. Увидел его – смог спастись. Не увидел – что ж, извини, неудачникам не место в княжеском дворце.

Или это подсуетились те, кто хотел подорвать княжича Мишеля. Ну Габриэль, ну фокусник! Я ему еще дам понять, что такую информацию надо выкладывать сразу, а не когда-нибудь!

– Просто не шевелись, – приказала я и подошла к змее.

Да это не просто магическая дрянь! Это еще и какой-то хитривыдуманный механизм – в теле шевелились золотые шестеренки, и я услышала едва различимое пощелкивание. От гадины так и веяло опасностью.

Увидев меня, она поднялась столбиком – раздулся капюшон, и я увидела, как по его мельчайшим прожилкам заструились золотые капли.

Яд.

– Да ну тебя, в самом деле, – сказала я, взяла змею за шею и, крутанув, отделила голову от тела.

Змея затряслась, пытаясь напоследок впиться зубами в мое запястье. Я отбросила ее в сторону и качнулась, чувствуя, как обвисает платье, а ко мне возвращаются мои плоскодонки.

– Эй! – испуганно вскрикнул Этьен и бросился ко мне: подхватил под руку, добрый мальчик, желая удержать, но снова прошел через пустоту.

– Все нормально, – я улыбнулась, но улыбка вышла жалкой. Ощущение было как после шестидневной рабочей недели на две ставки: был у меня такой опыт, и я меньше всего хотела его повторять.

– Все нормально, зови людей. Видишь гадину?

Глаза Этьена скруглились, как у совы. Теперь, когда я располовинила змею, он ее увидел – и она ему предсказуемо не понравилась.

– Е-мое… – пробормотал мой подопечный. – Это…

– Это тебя убить хотели, – объяснила я. – Гостеприимное место, ничего не скажешь. Давай, беги, зови на помощь.

Этьен выбежал в коридор, а я доковыляла до диванчика и рухнула на него, раскидав руки-ноги во все стороны. Габри-

эль куда-то подевался, и подумалось: а вдруг это не попытка убить Этьена, а какая-то проверка для меня?

Я не доверяла своему куратору. С ним надо держать ухо востро.

Вбежал Дамьен с вооруженной охраной: остановился, предупреждающим жестом выкинув руку в сторону. Нахмурившись, приблизился к останкам змеи, и Этьен спросил:

– Что это?

– А, то есть, вы ее тоже видите, – угрюмо кивнул Дамьен. – Это дин-давар, незримый убийца. Поздравляю, ваша милость! Наступит день, когда ваша магия станет сильнейшей в княжестве!

Этьен испуганно посмотрел на меня и поинтересовался:

– А откуда он тут взялся? Я из ванной выхожу, а он… вот он.

– Дин-даваров подсылают к тем, кого хотят уничтожить, – голос Дамьена звучал напряженно и глухо. Ну спасибо, добрый человек, про уничтожить мы и так уже поняли! – Обычно такими вещами занимается дом Гарбо.

Этьен снова покосился в мою сторону и спросил:

– А чем я уже успел им насолить? И… я как-то не очень в курсе, какие у них с князем отношения.

Дамьен кивнул охране, и та вымелась за дверь. Прошел к дивану – я едва успела убрать ноги из-под его старой задницы – устало сел.

– Вы, дорогой друг, виноваты тем, что ваш отец князь

признал вас законным сыном дома Клемансо, – ответил Дамьен. – Потенциально вы наследник княжеского венца, если с Мишелем, Лорейн, Камилем и Паскалем что-то случится.

Да, многовато наследников. Интересно, все они такие дряни, как Мишель, или среди них все же есть приличные люди?

Ладно. Разберемся.

– Мне не нужен никакой венец, – хмуро ответил мальчик. Да ты ж моя умница! Уже коронами разбрасывается!

– Это знак достойного сердца, – кивнул Дамьен. – Но дом Гарбо об этом не знает. И не поверит, если узнает. Полин Гарбо равна вашему отцу по знатности и уровню магии, она сама хочет носить венец Этильенского княжества. Что для этого надо сделать?

– Убить князя, – понял Этьен. – И его сыновей.

– Верно. И начать с самого слабого из них.

– А что ей за это будет? – спросил Этьен. – Это же покушение! Нельзя просто так спустить его с рук! И тот удар сегодня в саду… князь и княжич чуть не погибли!

Дамьен устало улыбнулся.

– И Кулак Дракона, и дин-давар – те магические проявления, которые не несут в себе оттиска создателей и хозяев, – объяснил он. – Да, мы можем подозревать – но не доказать.

Этьен нахмурился.

– А как же князь? Он может взять и выгнать их из княжества! Ведь может, правда?

– Для этого ему надо обратиться к королю, – объяснил

Дамьен. – А его величество слишком дорожит отношениями с домом Вернье и слишком ценит помощь Полин Гарбо, которую она оказала ему во время переворота, чтобы куда-то выслать с подаренных земель.

Да уж, попали мы с Этьеном в змеиный клубок… Ладно, ничего: будем разбираться.

– Получается, ничего нельзя сделать? – пробормотал Этьен.

– Можно усилить систему безопасности, – ответил Дамьен, и я увидела, как из стен, пола и потолка проступило красноватое сияние и угасло. – И придумать свой ответ без привязки к дому Клемансо. Отдыхайте, друг мой! Сегодня эта комната безопасна!

Глава 3

Я проснулась от того, что не могла больше лежать на животе, и увидела, что за ночь два моих аккумулятора зарядились до знакомого пятого размера.

В окна заглядывало веселое утро. Светило солнышко, на ветках заливались песнями птахи, а Этьен бегал по комнате, собираясь в школу.

– Ты не видела мой учебник гандалузского? – спросил он, увидев, что я уже не сплю.

– Тот, которым ты уделал Жан-Люка? – ответила я вопросом на вопрос. Мальчик кивнул, я протянула руку и достала книгу из воздуха.

Сама не знаю, как у меня это вышло, но получилось хорошо.

– Вот, держи. Уроки сделал?

Этьен остановился. Ошарашенно посмотрел на меня, словно только что понял, что сегодня в школе будут уроки.

Ничего он не сделал. Когда собираешься вешаться, то уроки делать точно не будешь.

– Нет, – испуганно пробормотал он. – И сегодня контрольная по гандалузскому… мне конец. Персиваль меня убьет.

– Тебя могут убить дома Гарбо и Вернье, – напомнила я. – А в школе все сегодня будут в ножки кланяться, ты же теперь Клемансо.

Этьен посмотрел так, что было ясно: он хочет мне верить, но все равно не верит.

Когда он оделся и взял мешок с книгами, в дверь бесшумно скользнула служанка: молоденькая, ясноглазая, с хитрым взглядом лисички. Вырез в ее платье был таким, который наш физрук называл “Сердце на двор”, и у Этьена сразу же вспыхнули глаза.

– Завтрак готов, ваша милость, – сказала девчонка, сделав книксен. – Позвольте сопроводить вас.

Я легонько толкнула Этьена в плечо, а то уж больно он окаменел, разглядывая служанкины прелести.

– Что застыл, готовишься своих бастардов строгать? – спросила я. – Это тоже может быть подстава. Пошли уже!

Служанка проводила новоявленного княжича в столовую, плавно покачивая бедрами. Этьен смотрел на нее, как нормальный мальчик четырнадцати лет, но я была настороже.

– У тебя таких сто будет, – пообещала я, когда Этьен сел за стол. – Пока не спеши, осмотрись и привыкни к новой жизни.

Увидев накрытый стол, Этьен замер, напрочь забыв о служанке и ее сиськах. В княжеском дворце завтракали неизысканно и очень плотно.

Несколько толстых жареных колбасок. Грибы в белом соусе. Яичница из пяти яиц. Фасоль. Сыр. Тосты.

Сколько ж тут холестерина, Господи.

Впрочем, незачем о нем сейчас думать. Парню надо отъ-

есться.

– Я никогда так не ел, – признался Этьен, и я погладила его по плечу.

– Вот и кушай на здоровье. Тебе надо поправляться.

За считанные минуты блюдо опустело, и слуга принес кофе с пирожными. Когда Этьен доел, пришел второй слуга и с поклоном сообщил, что экипаж подан.

До школы мы домчались с ветерком и успели как раз к тому моменту, когда вчерашние загонщики и телохранители Жан-Люка подходили к воротам. Выражение лиц у них было угрюмое: видно, бригада лишилась главаря и сейчас не знала, что делать без твердой руководящей руки.

Экипаж остановился, и мальчики испуганно замерли, вытаращив глаза на недавнюю жертву. Этьен спустился на землю, и я сказала:

– Так, а сейчас иди и делай вид, что их вообще не видишь. Княжеский сын всякую грязь не рассматривает.

Этьен подхватил свой мешок с учебниками и пошагал к воротам. Я чувствовала его напряжение – слишком уж он привык быть грушей для битья, чтобы отвыкнуть за несколько часов.

Теперь никто не будет орать про шалавьего сына. Я знала, о чем сегодня станет гудеть вся школа: Этьен Лефевр нашел свою магию! Вчера он отбуцкал Жан-Люка! А потом спас княжича и князя! И теперь он никакой не Лефевр, а Клемансо!

Давайте, попробуйте с ним связаться!

Школа была из середнячков. Не самая нищая, но уж точно не самая богатая. Ступеньки и облицовка стен скучали по ремонту, а на пришкольном участке давно пора было посадить что-то, кроме репьев. Возле двери Этьен замедлил шаг: красивая темноволосая девочка с учебниками в руках окликнула его и спросила:

– Как дела?

Она была из отличниц, сразу видно. И не из тех нагловатых девчонок, которым все дается легко благодаря обеспеченным родителям и лучшим репетиторам. Спокойная, умная, сдержанная, она смотрела на Этьена так, словно он был обычным мальчишкой, а не вечной школьной жертвой.

– Привет, Пенелопа, – Этьен улыбнулся. – Ну… по-разному. Много всего удивительного случилось.

– Да, я слышала, – Пенелопа улыбнулась в ответ. – Наверно, ты теперь не будешь с нами учиться?

Этьен нахмурился.

– Это еще почему?

– Дети князя Анри учатся в школе святой Юджени, – сдержанно ответила Пенелопа и торопливо добавила: – Знаешь, мне будет очень жаль, что ты уйдешь.

Это признание ей дорого стоило – она была не из тех девочек, которые разбрасываются чувствами и словами. И Этьен это понял, потому что улыбнулся и ответил:

– Нет, я не уйду. Ты гандалузский написала? Мне вчера

было вообще не до уроков.

И открыл перед Пенелопой дверь, пропуская ее в школу.

***

Внутри школа была самой обычной – сделай в ней ремонт, и она ничем не будет отличаться от школ моего города. Этьен и Пенелопа прошли мимо железного леса вешалок в раздевалке, поднялись на второй этаж и устроились на подоконнике: девочка дала моему подопечному тетрадку, и он торопливо принялся списывать домашнюю работу.

Заглянув через его плечо, я вдруг поняла, что разбираюсь в этом гандалузском языке! Он был похож на английский с такой же сложной системой времен, и я, всмотревшись, нашла ошибку в предложении.

– Это настоящее завершенное время, – сказала я. – Третье лицо, значит, вспомогательный глагол “хайн”, а не “хайл”.

Этьен послушно повторил сказанное, и Пенелопа торопливо выхватила карандаш.

– Точно… Слушай, а что ты теперь будешь делать с ребятами?

Карандаш Этьена замер на строке. Мимо прошла стайка мальчишек и девочек поменьше – дети заинтересованно посмотрели на Пенелопу и Этьена, но ничего не сказали.

– Не знаю, – ответил Этьен. – Просто хочу их больше не видеть. Просто хочу, чтоб никто ко мне не лез.

Пенелопа понимающе кивнула.

– А они будут. Но по-другому. Теперь все захотят с тобой…

В коридор вошел тот широкоплечий паренек, который вчера был среди телохранителей Жан-Люка, и Пенелопа закончила фразу:

– Подружиться.

– Привет! – паренек махнул рукой. – Что как, как дела вообще?

Первый пошел. Я готова была поклясться, что остальная стайка шакалят стоит на лестнице. Ждет, чем кончится дело.

– Тебе-то что, Реми? – ответил Этьен вопросом на вопрос. Списал упражнение до конца, вернул тетрадку Пенелопе. – Иди давай отсюда, пока я добрый.

Реми не стал мяться и прямо выложил все, как есть.

– Ну просто ты вчера так отдубасил Жан-Люка и фамилию сменил. И мы с пацанами подумали, что может быть, ты захочешь с нами водиться.

Этьен усмехнулся.

– Видал я вас, знаешь, где? Вали давай отсюда. С пацанами.

– Ну понятно, – пробасил Реми. – Ты теперь княжич, не нашего поля ягода. Но если что понадобится, мы тут.

Ничего удивительного. Такие рыбы-прилипалы мигом меняют акулу, когда прежняя кормилица ослабевает.

Пришел учитель – тот самый Персиваль, который лихо спрашивал с детей выполнение домашнего задания. Вы-

сокий, черноволосый, тощий, как жердь, он посмотрел на школьников с привычным усталым презрением, и я подумала, что, наверно, так выглядела со стороны для своих гимназистов.

Он открыл класс, и Этьен с Пенелопой прошли внутрь. Девочка села за первую парту, и Этьен, подумав, устроился рядом с ней. Вскоре класс собрался – все не сводили глаз с Этьена, прикидывая, как он теперь будет себя вести. Девочки здоровались, глядя с нескрываемым кокетством – еще вчера он был для них пустым местом, а сегодня, надо же, стал княжеским сыном, и этого не следовало упускать.

Рыжеволосый паренек в дорогой одежде и с хорошим рюкзаком зашел с козырей: положил перед Этьеном аккуратный денежный сверток и сказал:

– Этьен, брат, я занимал у тебя мамке на подарок. Вот, возвращаю.

Я поняла, что этот рыжий регулярно выколачивал из моего подопечного его скудные монетки. Вернул с процентами, молодец. Этьен одарил его свирепым взглядом, не глядя, швырнул сверток в свой мешок, а тут и звонок прозвенел.

– Проверка домашней работы, – произнес Персиваль без всякой ерунды вроде “Добрый день, класс!”. Дети послушно открыли тетради, и учитель темной тенью двинулся по проходу между партами.

– Неудовлетворительно. Неудовлетворительно. Неудовлетворительно, – двойки сыпались из него, как из дырявого

мешка. Пенелопа и еще две девочки получили тройки и были рады, что легко отделались, а вот Этьена учитель оставил на закуску. Встав у окна и скрестив руки на груди, он бросил:

– Лефевр, к доске.

Я торопливо опустила руку на плечо Этьена и приказала:

– Сиди.

– Моя фамилия теперь Клемансо, – поправил Этьен, но Персиваля этим было не смутить.

– Ты еще докажи, что имеешь право ее носить. К доске!

Этьен послушно вышел, держа в руках тетрадь.

– “Ты сегодня видел директора Галуа?” – произнес учитель и приказал: – Переведи.

– Hail ya sein li derittor Halua toda? – подсказала я. Настоящее завершенное время. Действие, завершенное в прошлом, но имеющее значение в настоящем.

Этьен послушно повторил за мной, и лицо Персиваля брезгливо скривилось, потому что парень не ошибся, а он ждал, что Этьен ошибется.

– “В комнате чисто. – Да, я убрался”.

– Ta rom as sa clenn. – Je, yi hail clennt.

– “Где Ригори? – Он уехал в Гвенналь”.

– Da hasst Righorie? – Yoo hain gohon ta Hvennal.

И вот так Этьена гоняли четверть часа. В конце концов, парень вымотался, неправильно повторил за мной, и Персиваль довольно ухмыльнулся.

– Что я и говорил. Княжеская фамилия это еще не все.

Неудовлетворительно, возвращайтесь за парту!

Еще вчера Этьен послушно сел бы под довольное улюлюканье однокашников – но сейчас он возмутился:

– Почему неуд? Я ошибся только в одном предложении, а было их двадцать!

Класс замер. Видно, до этого никто не осмелился оспаривать оценки Персиваля.

– За пререкания! И недостаточные знания! – рыкнул Персиваль так, что с потолка посыпалась побелка. – И подсказки! Без них ты бы сроду так не ответил! Хочешь пожаловаться папочке, вперед.

Этьен вернулся на свое место, сложил руки на парте и уткнулся в них головой.

***

На перемене, после того, как дети заглянули в столовую на скудное рагу с овощами, а потом пошли к кабинету алгебры, прибежала школьная секретарша: суетливая женщина с такими аккумуляторами, что мои рядом с ней снова казались таблетками аспирина.

– Этьен, мальчик. Бегом к директору. Бегом!

– Персиваль, что ли, наябедничал? – спросила я, когда мы быстрым шагом двинулись по лестнице. Этьен пожал плечами.

– Не знаю, – едва слышно ответил он. – Меня никогда не вызывали.

В кабинете директора, просторном и хорошо обставленном, пахло свежевыпеченными пирожками с мясом. Вот, значит, кто детей объедает: мяса в рагу был один кусочек на всю школу. Директор сидел за столом в целой компании солидных мужчин властного вида, и я сразу поняла: притащились господа из отдела образования, опеки и какой-нибудь защиты детей.

Очень вовремя. Как только у ребенка появилась поддержка, сразу же припожаловали. Вчера-то, когда ему нужна была помощь, зачем появляться.

– Этьен, проходи, присаживайся, – директор важно указал на свободное место. – Мы узнали, что у тебя произошли очень важные перемены в жизни. Вот, в школу присланы документы о твоей новой фамилии и принадлежности к княжескому дому Клемансо.

Он старался выглядеть солидным и серьезным, но в его голосе проскальзывали угодливые нотки. Этьен кивнул.

– Да, во мне вчера проснулась магия.

– Жан-Люк сказал, что он сам упал, – продолжал директор. – Его родители сразу же после инцидента написали заявление в полицию, но оно уже отозвано. Волноваться тебе не о чем.

Ну конечно. Несчастного и забитого пацана можно и дальше забивать под плинтус – а вот с княжеским сыном такой номер уже не пройдет.

– Мы также знаем, что вчера имел место некий оскорби-

тельный случай, – произнес один из солидных господ. – И понимаем, что такого быть просто не должно. Школа не место для унижения, и ребенок в ней должен быть в безопасности. Мы со стороны отдела опеки и департамента образования гарантируем, что ничего подобного больше не повторится, а все виновные будут строго наказаны.

Знают они. Конечно, знают. Вот только не собирались заступаться за того, кто не мог за себя постоять.

– Я хочу, чтобы их отчислили из школы, – негромко, но твердо сказал Этьен и посмотрел на меня. Я согласно кивнула и подсказала:

– И поставили на учет и надзор в полиции.

– И поставили на учет и надзор в полиции, – повторил Этьен. – Такое ни с кем больше не должно случиться.

Господин из департамента кивнул.

– Полностью с вами согласен. Все участники этого… хм, действия будут отправлены в специальную школу. Когда достигнут совершеннолетия, будут переведены в колонию в Загорье.

Этьен посерьезнел. Его лицо сделалось напряженным и осунувшимся.

– Хорошо, – кивнул он. – Что-то еще? Просто у меня сейчас алгебра.

Больше Этьена не задерживали и отпустили с миром. Мы вышли из директорского кабинета одновременно со звонком на урок, и Этьен негромко сказал:

– Не пойду я на алгебру. Я ее не успел списать. И госпожа Лимар будет орать за опоздание. Потом подойду и скажу, что был у директора.

Мы вышли из школы и неторопливо побрели в сад. Светило яркое солнце, яблони раскрывали цветущие розоватые бутоны, и мир был наполнен той хрупкой красотой, которая бывает только весной. Этьен пинал камешки на тропинке, а потом остановился и с искренней, режущей сердце обидой, воскликнул:

– Ты видела? Видела, как быстро они слетелись? Испугались, что князь теперь за них возьмется, пошли на опережение! А до этого им было все равно. Даже если б я повесился…

Я вздохнула. Нет, если бы он довел дело до конца, то с директора и департамента образования спустили семь шкур за это. Вот только несчастному парню это бы не помогло.

– Взрослые иногда приходят поздно, – согласилась я. – А такие, как твой директор, приходят, только если им это выгодно. Или надо спасти свою шкуру.

Сейчас по документам все будет отлично. Распишут работу, которую вели лет пять, не меньше: расскажут и про внутришкольный учет для хулиганов, и про вызовы родителей, и про работу с психологом или кто тут для этих целей. Одним словом, покажут, как все это время старались защитить Этьена, и теперь выгоняют хулиганов не просто так, а за рецидивы и нарастающую криминальную угрозу.

Мне сделалось противно.

– Плюс в том, что теперь ты сможешь спокойно учиться, – сказала я. – Скоро учебный год закончится, а осенью все выровняется. В каком ты классе, кстати?

– В девятом. Еще один остался. Потом год подготовки для университета, – Этьен остановился, сощурился на птичку, которая волокла громадного червяка. – Как ты думаешь, я смогу поступить? Мне хочется на факультет маготехники, там учат делать артефакты.

– Почему бы нет? – улыбнулась я. – У тебя будет время для учебы. И силы. Так что…

– Этьен? – окликнул приятный женский голос. – Я очень рада, что ты здесь.

***

Женщина была немолодой, но удивительно холеной. Стильная одежда, которая стоила примерно как вся эта школа, идеально уложенные каштановые волосы без следа седины, драгоценности в ушах, на шее и пальцах – интересно, почему рядом с ней нет телохранителей?

Или они есть, но мне по чину не положено их видеть.

– Мы знакомы? – нахмурился Этьен. Женщина улыбнулась идеальной белозубой улыбкой и ответила:

– Пока нет, но давай исправим это недоразумение. Меня зовут Полин.

Так. Полин Гарбо, претендентка на венец Этильенского

княжества. Я собралась, жалея, что у меня нет никакого оружия. Потому что она пришла не за тем, чтобы беседовать о природе и погоде. Хочет проверить, почему это ее дин-давар не сработал.

Мальчишка только что нашел свою магию. Прихлопнуть его – легче, чем убить комара. Казалось бы, что может пойти не так?

– Полин… а дальше?

Этьен не обольщался улыбкой и светским обликом – держался в стороне, смотрел опасливо. Молодец. Незачем доверять всем, кто тебе улыбнулся. Доверие зарабатывается делами.

– Полин Гарбо. Полагаю, ты слышал эту фамилию.

Этьен сделал шаг назад и спросил:

– Пришли меня добить?

– Пришла с тобой познакомиться. Посмотреть на юношу, который может надеть венец Этильенского княжества.

Мой подопечный усмехнулся.

– Я не надену венец. У меня полно братьев от законной княжеской жены.

Кстати, интересно, зачем Габриэлю понадобилось вернуть сюда княгиню Беатрис. Если она такая бабочка, которая порхает над миром, то как может пригодиться в дворцовых интригах?

Или не такая она бабочка, как показывает? И зубы у нее на зависть любому крокодилу.

– Ты очень сильный маг, – сказала Полин и шевельнула запястьем, показывая браслет с цитринами и раухтопазами. Камни простенькие – но за этими камнями вдруг шевельнулась такая мощь, что у меня холодок прошел по хребту.

– Видишь? Это мои семейные артефакты. Когда камни темнеют, я понимаю: рядом маг.

– И послали вчера змеюку, чтобы это проверить! – воскликнул Этьен. Полин снова улыбнулась.

– Я должна была это сделать. Знаешь, почему? Потому что твой отец печется только о себе. А я думаю о княжестве. О благе народа, который здесь живет. И потенциально самый сильный маг в королевстве может в корне изменить весь устоявшийся расклад.

– Не верь ей, – посоветовала я. – Такие всегда говорят про благо народа. А думают о благе своего кармана.

– Ничего я не буду менять, – буркнул Этьен. – Я хочу учиться. И в универ поступить, а не драться за корону.

Полин вопросительно подняла бровь.

– Разве тебе не хочется показать отцу, на что ты способен? Доказать, как он ошибался все это время, пока отвергал тебя?

Все правильно: Этьен сейчас должен быть, как бродячая собака – всеми силами показывать, как хорошо поступили те, кто взял его себе. Прыгать перед ними с бубнами. Вот, папочка, посмотри, как я могу. Вот, я еще и так прыгаю, и с таким боком, и с вот этаким подскоком.

Да только как ты ни прыгай для таких, как князь Анри, все равно не так, и костюм у тебя не такой, и бубны не те. Вот и незачем тратить время.

– Нет. Не хочется, – холодно ответил Этьен. – Пусть сам доказывает, как ошибался.

Улыбка Полин стала мягче. В ней светилось спокойное торжество ученого, который совершил удивительное открытие.

– Мой дорогой мальчик, я не ошиблась в тебе. Ты очень здраво мыслишь. Нет смысла что-то доказывать таким, как князь Анри – надо просто пойти и взять то, чего ты достоин. Этильенское княжество должно быть в руках именно такого человека.

Да уж. Там, где мы учились, она преподавала – снова все свела к княжескому венцу.

– Не сейчас, разумеется! Ты должен окончить школу, получить приличное образование, – продолжала Полин. – А потом… потом ты займешь свое место. Представь, как расцветет княжество, когда его возглавит не дурак и распутник с такими же потомками, а порядочный, хороший человек, который думает не только о себе. Представь, чего ты тогда сможешь добиться!

– Не верь ни единому слову, – сказала я. – Сейчас начнет тебе рассказывать про икру на буженине, охоту и баб.

Этьен едва заметно кивнул.

– А вам-то что? Какой у вас интерес? – спросил он прямо.

– Мой интерес – процветание Этильенского княжества, – с достоинством ответила Полин. – Давай поговорим об этом подробнее… ну, например, сегодня вечером. У меня есть дом в пригороде столицы, и ты там желанный гость.

***

Когда Полин ушла к воротам школы и села в поджидающий экипаж, Этьен запустил обе руки в волосы и обернулся ко мне.

– Что делать? – спросил он с нескрываемым ужасом. – Я, кажется, попал.

– Еще не попал, – успокоила его я. – Если ты туда пойдешь, то князь Анри будет считать тебя дураком и предателем. Потому что только дурак пойдет в логово того, кто едва его не убил. А предатель…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.